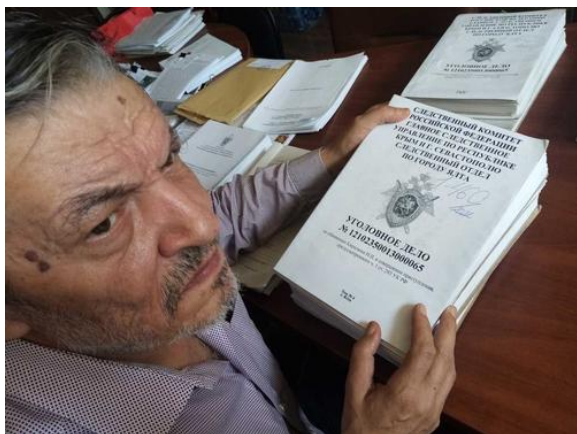

Судья понимает, но не все

20 июня 2023, 08:53 Владимир Филичкин

На фото Александр Власов

Юристы считают, что к правосудию следует относиться как к некоей ценности, которая, помимо того, что сама является конституционным правом, еще и обеспечивает защиту всех иных конституционных прав. Но вместе с тем у судебной системы в России не лучшая репутация. О причинах этого мы решили поговорить с профессором Российской академии

естествознания, директором научно-исследовательского института судебных экспертиз «СТЭЛС» **Александром Власовым**:

Все люди проходят через суд

— Александр Юрьевич, у нас в стране происходят или назревают самые разнообразные процессы реформации и в общественной жизни, и отчасти на уровне законодательных инициатив. И при этом складывается ощущение, что новые реформаторские идеи не касаются сферы правосудия.

Припоминаю, что менее чем через две недели после вступления в должность президента страны, 20 мая 2008 года, Дмитрий Медведев объявил о начале нового этапа судебной реформы, целью которой стала задача «на деле добиться независимости суда».

— Ну вот было это. Начавшаяся эта реформа, широко озвученная, на самом деле завершилась оглушительным фиаско, потому что реальных практических результатов не последовало никаких. Грубо говоря, гора родила мышь в этой части. И это несмотря на то, что этот вопрос все еще является чрезвычайно актуальным. И вот проблема, которую я хочу обозначить, связана с тем, что судьям приходится рассматривать материалы самой разнообразной природы, касающиеся практически всех сторон деятельности человека, и пытаться как-то вникнуть в суть рассматриваемой проблемы. На самом деле это нереально и невозможно охватить одному человеку абсолютно все области человеческих знаний.

— Ну судей же отбирают очень строго: самых умных, самых образованных. И чтобы стать судьей, нужно получить юридическое образование, отработать минимум пять лет по специальности, сдать квалификационный экзамен и пройти конкурс.

— Да, дело тут ведь не в образовании и даже не в широте общего кругозора, а проблема в том, что многие вопросы требуют

достаточно узкой специализации. Сплошь и рядом мы видим, что суд просто не понимает смысла рассматриваемого дела.

— Они же тогда к экспертам обращаются, к специалистам, обладающим специальными познаниями.

— Они обращаются к экспертам. Действительно, для этого и созданы экспертные службы. Но эти экспертные заключения далеко не всегда можно экстраполировать на понятный в быту уровень.

Вот я приведу простой пример: в рамках фоноскопической экспертизы мы видим с использованием специальной аппаратуры, которая в цифровом виде характеризует все спектральные характеристики голоса. И по ним, опять же, в цифровом виде, может вполне категорично сделать вывод, что вот в этой части показания, которые дает этот субъект в качестве подозреваемого или свидетеля, вот здесь они ложные, а вот в этом фрагменте — они истинные.

Судья мне возражает, вот я послушал тоже или послушала чаще, потому что основной состав судейский — это, конечно, у нас женщины. Я послушала и не слышу ничего из того, что вы пишете, что вот где-то какие-то голосовые реверберации. Ничего этого не слышно. Я объясняю, что ухо человеческое — это не самый совершенный инструмент, существуют гораздо более чувствительные приборы, которыми можно уловить такие ситуации, когда... Ведь, собственно, голос человека не всегда доступен волевому контролю.

Пришло время энциклопедистов?

— Ну, да, сонары всякие.

— Ну, в том числе, да. Есть такое, что человек не может контролировать сам за счет, допустим, изменения тембра. Можно контролировать изменения уровня звука, а есть части звукоинтегрирующего аппарата в организме человека, который волевому контролю не поддается. И ухом тоже не слышно этих тонкостей. На бытовом уровне, может быть, судья и прав, когда говорит, что я этого не слышу, и все ваши графики и какие-то никому непонятные цифры... они совершенно меня не убеждают в этом. Возникает парадоксальная ситуация: мы видим с использованием современных технологий, что такой факт имел место быть, без этого использования доказывать наличие или отсутствие этого факта весьма проблематично.

— И что тут делать судье?

— А судье приходится руководствоваться чем-то соизмеримым с революционным правосознанием, что, на самом деле, в наше время уже выглядит, мягко говоря, некорректно.

Другой простейший пример могу привести из недавней экспертной практики. Ситуация выглядит таким образом: водитель на большом и достаточно тяжелом легковом автомобиле якобы наехал на стопу инспектора дорожного движения. При этом возникла, как пишут

рентгенологи, небольшая трещинка на третьей пястной кости. И все, больше никаких повреждений у гаишника нет.

Мы объясняем правоохранительным органам, что этот сценарий не укладывается в даже более-менее рамки правдоподобного. Хотя бы потому, что элементарные математические расчеты в сопоставлении нагрузки на ось автомобиля с прочностью этой третьей пястной кости, они никак не конгруэнтны. Такой переезд должен был бы сопровождаться если не полным переломом всех костей ступни, то, по крайней мере, их существенным разрушением, но никак не крошечной трещинкой, которая, к тому же, на рентгеновском снимке выглядит вовсе не так достоверно, как хотелось бы это интерпретировать. Понятно, что это нам кажется очевидным с позиции производства грамотного исследования, оснащенного соответствующими технологиями и расчетами. Но на бытовом уровне это не встречает абсолютно никакого понимания.